

Л. А. Чарская

Бичо-Джан

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-053.2

ББК 84-4

Л. А. Чарская

Бичо-Джан / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-2911-7

Кико метался, как раненый зверек, по своей тахте или вскакивал с нее в пылу неудержимого приступа волнения и бросался, пошатываясь от слабости, к выходу из горницы, завешенному ковром. Но — увы! — за ковром находилась плотная дубовая дверь, закрытая накрепко снаружи, и не слабому мальчику было сломать эту преграду. Тогда, в конец обессиленный, он возвращался на свое жесткое ложе, и погружался в забытие...

ISBN 978-5-4241-2911-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская

Бичо-Джан

Вступление

Между тремя морями — Черным, Азовским и Каспийским — широко и просторно раскинулся дивный край — Кавказ. Величествен Кавказ. Горы, подымающиеся высоко за облака; пропасти, уходящие в самую глубину земли; реки, побеждающие преграды на своем пути, перескакивающие, как дикие звери, через острые камни и воюющие день и ночь сердито — все прекрасно.

Великолепные есть уголки на Кавказе и лучший из них — Грузия.

Невелика эта страна, немного в ней городов, немногочисленно ее население, но красива она необычайно. Недаром ее называют жемчужиной Кавказа.

Была когда-то Грузия самостоятельным царством, и жил ее народ свободно, шумно и весело. До сих пор на выступах ее гор высются причудливые замки, где обитали когда-то храбрые воины, мечтавшие о славе и подвигах. До сих пор еще в горах Грузии живы предания о давно минувших временах. Из рода в род передаются там рассказы о далеком прошлом грузинского народа и его славных делах. Многие из этих рассказов лишь красивые сказки, но многие — истинная быль, хотя тоже похожа на сказку.

Одну из таких былей я и хочу вам рассказать. Быть может, в ней немало странного, невероятного, но многие из тех, о ком говорится в этой были, живы еще и охотно передают все ее подробности своим детям и внукам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кико, Шуша и Илита

Худая, коричневая от загара старуха Илита вышла на порог дома и, заслонившись от солнца костлявой рукой, крикнула громко на всю усадьбу:

— Кико! Где ты, голубь мой? Ступай домой скорее: князь уезжает!

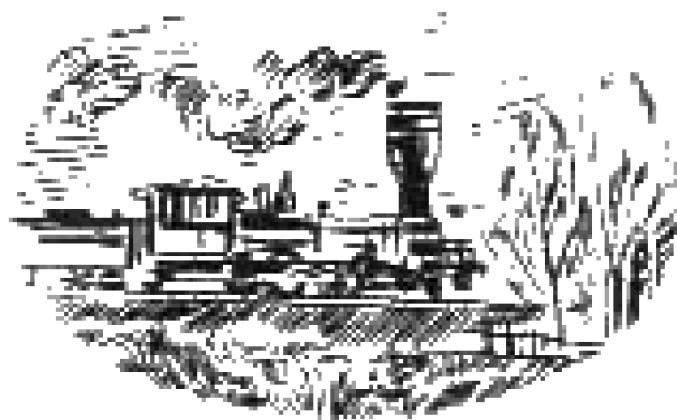
Крикнула и прислушалась на мгновение, не отзовется ли ей кто-нибудь из густой чащи виноградника.

Сначала все было тихо в чаще, только легкий шорох да приглушенный писк какой-то птички долетали до слуха Илиты. Но вот к ним присоединились другие звуки: сдержанное хихиханье и неразборчивый шепот...

По коричневому сморщенному лицу Илиты скользнула улыбка.

— Вижу теперь, вижу, здесь ты! Не укрыться тебе от моих глаз, горный орленок!

В ту же минуту с веселым смехом и шумом двое детей выскочили из-за зеленой засады и бросились к старухе. Впереди бежал мальчик лет девяти, тоненький, стройный, чернокудрый. Его красивое смуглое личико заодно выглядывало из-под невысокой бараньей шапочки, а синие яркие глазенки, казавшиеся еще темнее под густыми ресницами и черными, гордо вырисованными бровками, так и искрились, так и горели шаловливым огоньком. Одет он был в белый кафтан из тонкого сукна, который плотно облегал его гибкую фигуру, и в широкие малиновые шальвары (штаны); мягкие сафьяновые сапожки с кисточками вместе с серебряным поясом дополняли его наряд. На груди его сверкали блестящие па-

тронники, а за поясом был заткнут маленький настоящий кинжал.

Следовавшая за мальчиком девочка была одета в шелковую рубашку, подпоясанную серебряным поясом, поверх которой был надет нарядный кафтан; на голове она носила маленькую бархатную шапочку со спускающимися с нее кисейным покрывалом. Две тщательно заплетенные и перевитые нитями черные косы спускались у нее на грудь. Если бы не эти косы, девочку можно было бы принять за мальчика, переодетого в женское платье, — так бойко поблескивали ее черные глазки.

Как только увидела старая Илита чернобровую девочку, так и накинулась на нее.

— Ах ты скверная девчонка! Опять князька нашего, красное солнышко, прятаться в винограднике научаешь! Опять, не приведи Господи и святая Тамара, он себе личико поцарапает, платье изорвет! Какой я тогда дам ответ князю? Подумала ли ты об этом? Вот погоди, задам я тебе за это!

И бронзовая рука старухи потянулась к розовому ушку девочки.

Но тут мальчик с проворством кошки прыгнул между старушкой и девочкой, заслоняя ее.

— Не тронь, бабушка, Шушу. Я тебе песенку за это спою! — крикнул он весело.

И странное дело! От этих слов как-то сразу прояснилось лицо старухи. Точно солнечный луч озарил его, и она проговорила ласково:

— О мой Кико, мой золотой луч, розан души старой Илиты, спасибо тебе за обещание спеть. Ты поешь, как соловей, мой бесценный алмаз, и нет для старухи Илиты лучше в мире песни, как твоя, мой бичо-джан!

Старушка наклонилась и обняла мальчика.

Тот поморщился. Он не любил таких нежностей.

Кико был сыном грузинского князя Тавадзе, род которого с незапамятных времен жил на Кавказе и славился своими подвигами. А когда Грузия присоединилась к России, предки князя Тавадзе прославились многими подвигами, участвуя вместе с русскими войсками в битвах с воинствующими племенами Кавказа. Сам князь Тавадзе не мог, подобно своим предкам, проявить боевую отвагу в схватках с кавказскими татарами и другими горцами, потому что война давно утихла, дикие народы были умиротворены соединенными силами русских и грузин. Князь Павле Тавадзе в своем поместье в Грузии мирно занимался домашними делами и воспитанием единственного своего сына Кико, рано оставшегося сиротою после смерти матери.

Вся Грузия знала огромные поместья князя Павле. У него были лучшие виноградники по берегу реки Алазани и бесконечные поля, засеянные пшеницей, просом и кукурузой, вдоль Алазанской долины. Прекрасное имение князя недалеко от города Телави славилось на всю Грузию не только своими посевами и виноградниками, но и крупным рогатым скотом (коровами, буйволами), козами, баранами и чудесными лошадьми. И все эти бесчисленные богатства после смерти князя Павле должны были перейти к его единственному сыну Николаю, или, как его звали, Кико. Других родных у князя не было. Только где-то далеко в горах жил его дальний родственник Ваню Мичашвили с детьми. Про него шли слухи, что он промышляет какими-то темными делами. Ваню изредка наезжал к своему богатому родственнику, чтобы выпросить у него какой-нибудь подарок.

Князь Павле, хотя охотно помогал своему родственнику и одаривал его со свойственной ему щедростью, был сдержан с ним и осторожен, потому что Ваню Мичашвили, по общей молве, был злой и корыстный человек.

Рано осиротев, Кико воспитывался на руках старой няньки-грузинки Илиты вместе с ее внучкою Шушей, тою самою девочкою, которая вместе с ним спряталась в винограднике.

Шуша была единственной подругой Кико. Он ее любил. Любил потому, что она была такая же ловкая, быстрая, смелая, как он, Кико, и ничего не боялась. Шуша даже кинжал носила под полой кафтана, точно мужчина-грузин, а на лошади скакала не хуже самого Кико.

— Джигит она, настоящий джигит (ловкий наездник, умеющий лихо владеть конем и оружием), а не девочка! — часто повторял Кико.

Сам он тоже всегда только и мечтал о том, чтобы заслужить лестное, по его мнению, название джигита и иметь случай проявить свои лихость, смелость и отвагу. Он жалел, что войны с горными татарскими племенами давно уже прекончены, а то он отомстил бы за каждую каплю крови, пролитую его предками, и завоевал бы всех горцев Дагестана. При одной мысли об этом черные бровки его сходились на переносице, а синие глаза делались огненными от сверкавшего в них пламени отваги.

Кико ужасно не любил, когда старая Илита обнимала и целовала его и нежно называла:

— Бичо-джан.

«Бичо-джан» — это по-грузински душа-мальчик, славный, хороший мальчик. Но так обыкновенно называют маленьких детей, а он, Кико, не считал себя ребенком. И действительно, во всей повадке мальчика, несмотря на его шаловливую резвость и детскую несдержанность, было нечто, указывающее, что он развит не по летам, что он храбр и смел, точно взрослый юноша.

А тут, нате-ка, точно нарочно, Илита, или бабушка, как привык Кико называть вынянчившую его старушку, обнимает и целует его, как какую-нибудь девочку...

Но Кико не успел заявить свое неудовольствие. Он увидел что-то по ту сторону двора и замер от неожиданности.

Там, на той стороне двора, стоял запряженный фаэтон. Кучер Арзел возился около экипажа. Большой кожаный чемодан прикреплен был позади сиденья.

— Кто едет, бабушка? Неужели отец? И надолго? Да говори же скорее, бабушка Илита! Надолго отец уезжает? — кричит мальчик и в забывчивости дергает старуху за рукав сорочки.

От нетерпения Кико топает ногою, обутой в мягкий сафьяновый сапог, или, как называют такие сапоги в Грузии, чувяки.

Кико больше всего в мире любил своего отца. Отлучки из дома князя Павле всегда тяжело отзывались на впечатлительной душе мальчика. Если чего-нибудь и боялся на свете Кико, так только какого-нибудь несчастья, которое могло случиться с его отцом. И сейчас Кико сделался печальным; едва слушая, что говорит ему Илита, он поспешил в дом.

* * *

— Здравствуй, мой Кико. Давно ожидаю тебя, соколенок.

Высокий черноусый мужчина лет тридцати пяти или немного больше, с величавым, несколько гордым лицом, с теми же синими пламенными глазами, что и у Кико, приподнялся с пестрой тахты, на которой полулежал с длинным чубуком во рту, и протянул руку вошедшему мальчику. В комнате, куда после залитого солнцем двора попал Кико, было полутемно и прохладно, несмотря на жаркую июньскую пору. Окон в ней не было, но вокруг всего дома князя Тавадзе шла крытая галерейка, и через нее проникал дневной свет в главную комнату, кунацкую, как называли приемную для гостей в доме князя. Эта комната была устлана пушистыми мягкими коврами. Вдоль стен ее помещались широкие низкие диваны — тахты, как их называют на Кавказе, тоже покрытые коврами, а поверх их лежали круглые подушки в виде вальков. На полках расставлена была серебряная посуда, турьи рога, заменявшие собою чарки для вина на пирушках, всевозможные ковши и кувшины. На низеньком столике, придвинутом к тахте, стояли серебряные же чарки, а высокий с тонкой шеей кувшин (кула по-грузински), до верха наполненный вином, стоял прямо на ковре, слабо сверкая своею гранатного цвета жидкостью в слабых лучах пробивавшегося дневного света.

Хотя князь Павле Тавадзе и служил когда-то в полку русского войска и отлично знал европейскую жизнь, но все же, любя всюю душою свою маленькую родную Грузию, он, выйдя в отставку в чине есаула казачьего полка, держался во всем обычаев предков и весь свой дом вел на грузинский лад.

В глазах князя, обращенных к Кико, было много ласки и отеческой любви, несмотря на то, что он казался суровым и строгим.

— Вот он каков, мой мальчик! — произнес князь с заметной гордостью, указывая сидящему на другом конце тахты человеку на своего Кико.

Маленький князек, весь занятый мыслью об отъезде отца, тут только заметил двоих людей, находившихся в комнате. Один из них — худой, длинный, как жердь, в изрядно потрепанной и запыленной одежде, с маленькими бегающими глазками, был Ваню Мичашвили, прискакавший сюда, очевидно, за подачкой из своего «Орлиного гнезда», как называлось его поместье в горах.

Другой находившийся здесь гость был юноша лет семнадцати, как две капли воды похожий на отца, старший сын Ваню Давидка, похожий на горного волчка со взъерошенной головой и беспокойным взглядом желтых совиных глаз.

И дядю, как Кико называл Ваню Мичашвили, и его сына Давидку Кико встречал и раньше, и как тот, так и другой своим пронирыливым видом и постоянными выклянчиваниями подарков были противны открытой и гордой душе мальчика.

— А-а! Вот и он, ваш бичо-джан, чудный алазанский соловей. Здравствуй, красавчик Кико! Здравствуй, бичо-джан! — произнес Ваню, протягивая Кико свою жилистую сильную ладонь и задерживая в ней смуглую ручонку маленького князя.

Кико ужасно захотелось вырвать свою руку из руки Ваню, но он вовремя вспомнил о том, что Ваню — как-никак гость у них в доме, а гость считается священною особою не только в Грузии, но и на всем Кавказе. Восточный обычай велит почитать гостей, и каждый кавказец свято исполняет этот обычай. Вот почему Кико, затаив глубоко в душе своей неприязнь к Ваню, о темных делах которого ходили настойчивые слухи, пожал его руку и проговорил обычную у грузин в таких случаях фразу:

— Будь благословенно появление твое в нашем доме, дядя Вано!

Потом, повернувшись к его сыну Давидке, поклонился и ему с тем же кротким приветствием.

В это время князь Павле велел слуге наполнить старинные прадедовские чарки игристым вином из кула и, обращаясь к сыну, проговорил:

— Возьми эту чарку, Кико, и выпей за здоровье дяди Вано и троюродного брата Давидки.

Мальчик покорно принял чарку из рук отца и осушил ее в честь гостей.

Это было тоже одним из восточных обычаев Грузии, преступить который было нельзя.

— А теперь, мой соколенок, — проговорил снова князь Павле, обращаясь к сыну, — пойди к Илите и скажи ей, чтобы она принарядила тебя. Через час сюда соберутся гости. У нас предстоит большой пир. Ты споешь нам на пиру одну из твоих славных песенок. Да вот еще что, мой мальчик: после пира я уеду в Тифлис по делу на две недели, а тебя с Илитой и Шушей наши люди отвезут в горный замок. Там не так жарко, как в Алазанской долине, и легче будет моему Кико дожидаться своего отца. А? Что ты на это скажешь, соколенок?

Князь Павле закончил свою речь лукавой усмешкой. Он знал, что лучшего удовольствия сыну, как поездка в горный замок, приобретенный недавно у одного из разорившихся дагестанских князьков, он не мог и придумать. Кико обожал эти поездки. Вместо того чтобы печься на солнце в лишенной тени Алазанской долине и вести однообразную жизнь в ожидании уехавшего отца, он попадет со своей любимцей Шушей в горный замок, находящийся среди скал и твердынь по дороге в нагорный дикий Дагестан... Правда, Кико было очень грустно расставаться на целые две недели с отцом, но, с другой стороны, поездка в горный замок — что это за прелесть! Там и время в разлуке пройдет куда скорее среди скачек на горных лошадках по ущельям и лесистым тропинкам, вьющимся, словно змейки, над пропастями. И жары там не почувствуешь даже, потому что замок прилепился к откосу скалы под огромным утесом, защищающим его от солнца, и благодаря этому в нем постоянная прохлада и тень.

Кико так живо представил себе чудесное горное убежище, что чуть было не позабыл исполнить приказание отца — пойти переодеться к пиру. Личико его так и сияло от счастья, когда он пулей ворвался в жилые комнаты княжеского дома, громко крича от радости:

— Бабушка Илита, давай праздничную чаху (одежду) скорее... И нарядные шальвары (штаны) и шапку... Шуша! Шуша, где ты? Иди скорее! Радость-то, радость нам обоим! Слыхала?... В горный замок едем. На две недели едем. На целых две недели! Да здравствует горный замок и скачка по утесам, и ты, Шуша, мой верный товарищ здесь и в горах!

* * *

По старому грузинскому обычаю князь Павле Тавадзе перед отъездом давал пир.

По приглашению хозяина поместья во двор его дома съехалось много фазтонов и скрипучих грузинских арб, т. е. двухколесных крытых повозок, в которых богатые грузины перевозят всякую кладь, а менее состоятельные ездят сами со своими семьями. Несколько верховых коней паслись, расседланные и привязан-

ные на длинных веревках к старым чинарам, на зеленой лужайке перед домом. Соседи, дальние и ближние, поспешили приехать к гостеприимному князю Павле со своими женами и взрослыми сыновьями и дочерьми. Многим любопытно было взглянуть на Вану Мичашвили и на его сына, о которых шла дурная слава, будто они хозяйничали не совсем честным образом у себя в горах.

Темные слухи утверждали, что оба Мичашвили, отец и сын из дальнего горного замка, не раз уводили у соседей-горцев коней, а то промышляли и более крупным разбоем. Но не пойман — не вор, как говорит пословица, и одним темным слухам верить нельзя было. К тому же Вану Мичашвили приходился родственником прославленному богачу князю Павле, которого искренне почитали и уважала соседи за его готовность помочь им в тяжелую минуту жизни. И ради великодушия и щедрости князя Павле именитые князья и простые дворяне, помещики Алазанской долины, не хотели даже верить слухам.

С заходом солнца князь Павле должен был ехать в Тифлис по прохладе, почему пир был назначен пораньше. Слуги с ног сбились, готовя обеденный стол.

Несмотря на то, что предки семьи Тавадзе ели, по издревле заведенному обычаю, сидя на коврах поверх мягких подушек, поджав под себя ноги по-турецки, сам князь Павле в этом отношении отступил от обычаев предков и угощал своих гостей за столом.

Этот стол буквально ломился под тяжестью всякой снеди. Целый окорок жирной баранины; огромное блюдо, приправленное пряностями, с шашлыком (жаренным на вертеле мясом) из баранины же; вкусный, ароматный плов с приправой из чеснока; жареная дичь с изюмом; пироги из персиков, винограда; душистые шербеты (сладости) — все это заедалось соленым квели (сыром) и тонкими лавашами-лепешками, заменяющими собой в Грузии и хлеб, и даже тарелки в бедных семьях. Вместо хлеба подавалась круто сваренная пшеничная каша, нарезанная ломтями. Все это запивалось кисловатым кахетинским вином, целые кувшины которого то и дело наполнялись слугами из огромных глиняных чор (бочек), находившихся на дворе и врытых в землю.

На каждом таком пиру из среды гостей избирался тулунбаш, или распорядитель пира, заведующий гостями и распоряжающийся застольем. На этот раз гости князя Павле выбрали тулунбашем важного седого соседа-грузина князя Акинадзе и усадили его за стол на почетном месте в прохладной кунацкой. По правую руку его находился Вану с сыном, по левую — хозяин дома.

За обедом сидели и женщины, хотя по старому дедовскому обычаю грузинки должны сидеть отдельно от мужчин. Здесь же находилась и старая Илита, которую князь Павле считал скорее за родственницу, нежели за простую служанку, и ее внука, проказница Шуша, то и дело прятая под чадру (покрывало, которое носят на Кавказе девушки) свои плутовские глаза. Они занимали и угощали женское общество, принявшееся отдельно от мужского на дальнем конце стола.

В углу примостились несколько музыкантов с инструментами. Тут были и чунгури — род гитары, и зурна — грузинский бубен, и барабан. Музыканты покрывали музыкою каждый тост в честь гостей, провозглашенный тулунбашем. Чествовали поочередно всех гостей.

К концу пира лица у гостей покраснелись, все болтали без умолку. Старики, еще помнившие походы, рассказывали о них, похваляясь своей отвагой. Моло-